

К.А. Медведев

К Босфору Восточному:
движение России на Дальний Восток
в российской общественной мысли
(конец XIX – начало XX в.)

Статья посвящена изучению элементов исторической памяти в проектах российских мыслителей конца XIX – начала XX в. по освоению дальневосточного пространства, которые служат обоснованием исторического присутствия России на берегах Тихого океана. В процессе исследования автором анализируются представления государственных деятелей, военных, публицистов, историков, философов об историческом движении Российского государства в восточном направлении. Представленные выводы позволяют дополнить общую картину российской интеллектуальной традиции в сфере осмысления геополитических процессов на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Дальний Восток, историческая память, общественная мысль, самодержавие.

На протяжении веков Россия расширяла свои пределы, включая постепенно все новые, порой весьма отдаленные от центра территории. Пожалуй, ни в одном направлении Российскому государству не удалось достигнуть столь заметных успехов, как на Востоке, где русский народ еще в XVII столетии оказался перед лицом естественной преграды в виде бескрайнего тихоокеанского пространства.

К концу XIX в. Дальний Восток уже не одну сотню лет находился во владениях Романовых. Впрочем, именно рубеж столетий, ознаменовавшийся восшествием на престол молодого императора Николая II, характеризуется заметным повышением внимания к рассматриваемому региону. Дальний Восток в указанный период вполне оправдывал свое название, оставаясь далекой от центральной России территорией в географическом, административном и даже культурном отношении.

Обращение политики империи на Восток вместо не оправдавшего надежд западного направления выражалось как в реализации крупных экономических проектов государства, квинтэссенцией которых стало строительство Транссиба, так и в наличии определенных перемен в интеллектуальной сфере. Характерной особенностью русской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. было появление различных проектов дальнейшего продвижения России на Дальний Восток с последующим освоением региона.

Тихий океан вовсе не воспринимался российской общественностью как естественный предел. Проекты освоения Дальнего Востока содержали в себе самую разную информацию: от стремления найти оптимальные рубежи государства до изучения экономического потенциала региона и поиска возможных союзников империи в Азии. Соответствующий корпус идей, высказывавшийся отечественными историками, политиками, военными деятелями, публицистами, стал отправной точкой той сферы научного знания, что в дальнейшем получит название «геополитика».

Данный «геополитический» дискурс содержал в себе весьма любопытный элемент. Проекты отечественных мыслителей зачастую включали в себя обоснование исторического присутствия России на Дальнем Востоке. Иными словами, движение империи в восточном направлении обуславливалось интеллектуалами как вполне закономерное и исторически оправданное действие.

Подобные идеи примечательны тем, что содержат в себе важные компоненты исторической памяти российского общества рубежа XIX–XX вв. Мыслители стремятся подтвердить свои положения при помощи циркулировавших в данный период идей относительно сущности Российского государства. Историческая память в первую очередь отличается от исторического знания тем, что, как правило, основывается на иррациональном подходе к познанию прошлого. Положения, закрепленные в исторической памяти общества, чрезвычайно сильны и являются обоснованием действий государства при решении тех или иных вопросов. В этой связи весьма любопытным представляется то, какие «исторически» обусловленные мотивы явились, с точки зрения отечественных мыслителей, побудительным мотивом продвижения России на Дальний Восток.

В опубликованном в 1869 г. сочинении «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский сравнил описываемые в труде культурно-исторические типы с многолетними одноплодными растениями¹. Подобное заключение известного русского ученого весьма примечательно, поскольку свидетельствует об имевших место как в интеллектуальной среде, так и в российском обществе представлениях.

Свободный «рост» Российского государства на Азиатском континенте был сопоставлен М.В. Грулевым с ростом «здорового дерева, широко раскинувшего свои обширные здоровые ветви...»². С точки зрения военачальника, расширение пределов России является вполне закономерным явлением. Ведь освободившись от оков татарского ига, Русь продолжила свой естественный рост, как то делает всякий организм, получивший для этого все необходимое³.

¹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2008. С. 114.

² Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 1–2.

³ См.: Там же.

Позитивистские идеи в XIX в. привнесли в историю не только методы естественных наук, но и представления об историческом процессе, основанные на наблюдении за природной реальностью. Государство, таким образом, стало элементом природы, живым организмом, который, как и всякий представитель флоры и фауны, имеет путь рождения, развития, увядания и смерти.

Органическая концепция российской истории стала важной частью отечественной историографии позапрошлого столетия. Впрочем, высказывавшиеся историками идеи выходили далеко за рамки привычного научного знания, тесно переплетаясь с общественными представлениями о прошлом.

Во второй половине XIX в. русская мысль все больше обращала внимание на монгольский период российской истории, оставивший, с точки зрения ряда авторов, глубокий след в национальной душе русского народа⁴. Впитав в себя элементы монгольской культуры и заняв место рухнувшего ига, Россия, с точки зрения военачальника и публициста А.Е. Вандама, унаследовала от Татарии и ее отношение к азиатским государствам⁵. На смену одной империи пришла другая. Одаренный, с точки зрения мыслителя, практическим смыслом и творческой энергией русский народ должен вернуться на путь, обозначенный Провидением⁶.

Азия – естественный рубеж для дальнейшего развития России. Заложенный еще со времен Батюга контакт между русскими и азиатскими культурами должен был послужить, с точки зрения другого публициста, крестника Александра III – П.А. Бадмаева, основанием для реализации интересов России на континенте⁷. Такова судьба России, определенная ее тысячелетней историей. Русская история, по мнению отечественного историка Е.Ф. Шмурло, характеризуется неудержимым, фатальным ростом государственной территории⁸. И рост этот происходит именно в восточном направлении. Государство как организм, оказавшись под влиянием судьбы, ищет себе простора, пробивает путь к берегам Тихого океана.

Восток, в представлении русской общественности, был единственным местом, где Россия могла дать волю своему расширению. Обусловленное историей движение, развитие государственного организма должно было продолжаться. Его же прекращение, по мнению публициста И.И. Дусинского, «вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого уroda»⁹.

Монгольское влияние, поход Ермака, «нерчинское недомыслие» 1689 г., отодвинувшее Россию от ее естественных рубежей и возвращение на прежние позиции благодаря упорной деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского, стали неотъемлемыми лейтмотивами русской общественной мысли при осмыслении восточного пути империи. Рост государства тесно переплетался в понимании мыслителей с примечательными моментами многовековой российской истории. Впрочем, элемент судьбы, предначертанной России, также выдвигался в качестве важного побудительного мотива исторического движения на Дальний Восток.

⁴ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 86.

⁵ См.: Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 57.

⁶ См.: Там же. С. 51.

⁷ См.: Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке // За кулисами царизма: архив тибетского врача Бадмаева / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Семенова. М., 2011. С. 65.

⁸ См.: Шмурло Е.Ф. Передовая статья из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» «Россия на берегах Желтого моря (Историческая справка)» // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. М., 2004. С. 191.

⁹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 41.

Восточный путь России воспринимался русской общественностью также в прямой зависимости с другими факторами, в частности географическим. Положение России во многом объясняло, по мнению А.Е. Вандама, инстинктивное стремление русского народа «к солнцу и теплой воде»¹⁰. Во многом от успехов в поиске столь важной «теплой воды» зависела, согласно взглядам публициста, борьба государства за свое существование.

Три столетия царствования Романовых воспринимались русской интеллектуальной традицией как три столетия поиска империей выхода к морю. Стремление обрести бескрайний океанский простор порой соединялось с другими историческими приоритетами России. «Давно понимали на Руси, – отмечал публицист Л.Г. Жданов, – что только то государство, которое обладает морями, имеющими свободный выход на водный простор океанов, может считать себя могучим, может надеяться на мировое значение, на полное развитие своих природных сил»¹¹. Противоречивые итоги Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), те многочисленные препятствия, что возникли перед Россией во время ее присутствия на Балканах, стали серьезным мотивом для империи устремить свои усилия в противоположном направлении. Столь желанный Константинополь, который являлся для отечественных мыслителей не только историческим приоритетом, но важным стратегическим пунктом, который мог бы обеспечить России выход из Черноморского бассейна, не стал достоянием Петербурга. Это повлекло за собой перемены в общественном мнении: место Босфора Западного занял Босфор Восточный.

Поиск незамерзающего порта в конце концов привел Россию к аренде в 1898 г. Порт-Артура у Китая. После трехвекового поступательного движения на Восток империя, согласно А.Я. Максимову, прочно основалась на берегах Великого океана¹². Успехи государства позволили активизироваться морскому министерству¹³, которое до этого было сковано в своих начинаниях географическим положением России. В записке об усилении русского флота на Тихом океане Великий князь Александр Михайлович не только отмечает важность укрепления морского присутствия империи в регионе, но сравнивает восточный путь России с продвижением к Балтийскому и Черному морям российских самодержцев¹⁴. Как Великий Петр и Великая Екатерина связывали Россию с Европой в XVIII столетии, так Николаю II предстояло, с точки зрения Великого князя, скрепить Россию с дальневосточным миром¹⁵.

Роль «государственных людей» в продвижении империи на Восток отмечал в своей работе и А.Я. Максимов¹⁶. Приобретение выхода в Тихий океан, по мнению российского дипломата Р.Р. Розена, дало, наконец, возможность России стать морской державой и тем самым обеспечить себе то значение, которое сулило империи история и которое предугадывал дальновидный гений Великого Петра¹⁷. «Стихийное влечение к морям, начавшееся задолго до Петра, при Петре приняло вид страстного прорыва»¹⁸ – отмечал в своем очерке заслуги самодержца М.О. Меньшиков.

¹⁰ См.: Вандам (Едрихин) А.Е. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Жданов Л. Движение России на Дальний Восток (к берегам Великого Океана). СПб., 1904. С. 58.

¹² См.: Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. СПб., 1894. С. II–III.

¹³ См.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 331.

¹⁴ См.: Великий князь Александр Михайлович «Записка об усилении русского флота на Тихом океане» // Коренные интересы... С. 66.

¹⁵ См.: Там же. С. 67.

¹⁶ См.: Максимов А.Я. Указ. соч. С. III.

¹⁷ См.: Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке // Коренные интересы... С. 126.

¹⁸ Меньшиков М.О. Из очерка «О воде живой и мертвой» в газете «Новое время» // Коренные интересы... С. 322.

Достижения героев, прокладывавших путь России к морю, весьма ревностно отстаивались русскими мыслителями. Поворот назад, отказ от завоеванных позиций на Дальнем Востоке воспринимался Л.Г. Ждановым как уничтожение работы нескольких веков, уничтожение труда умных, смелых и преданных родине людей¹⁹.

Поиск моря стал важной частью русского общественно-политического дискурса рубежа XIX–XX вв. Хотя некоторые мыслители, в частности Ю.С. Карцов, весьма скептически относились к заявлениям о тождестве «морской» политики России времен Екатерины Великой и Николая II²⁰, исторический путь государства в данном направлении был важным мотивом для дальнейшей реализации империей своих планов на Дальнем Востоке. Подобный ход мысли подкреплялся при помощи еще одного тезиса – о колониационной сущности русского народа.

Согласно В.О. Ключевскому, одним из ключевых элементов в истории Российского государства является процесс колонизации, которая еще в эпоху Древней Руси приводила либо к объединению, либо к дроблению княжеств. Таким образом, миграция русского населения, освоение государственных окраин оказывали непосредственное влияние на исторический путь России²¹.

Процесс освоения новых территорий не иссяк и в XIX столетии. Обеспечение крестьянства новой пахотной землей было одним из элементов оправдания Петербургом своей экспансии на Дальнем Востоке²². В то же время ряд русских мыслителей пытались подчеркнуть, что достижение империей Тихого океана является следствием длительного колониационного процесса.

Господин Великий Новгород, согласно Л.Г. Жданову, еще за 700 лет до выдвигания крупных дальневосточных проектов обращал свои взоры на восточные окраины²³. Русский народ есть племя земледельческое, привыкшее к привольной жизни на широких просторах. Этим Русь и отличается от Европы, чьи жители теснятся в многолюдных городах, и именно это побуждает русский народ искать все новые территории для расселения²⁴.

Стремление отделить Россию от Европы наблюдается и в творчестве известного русского журналиста С.Н. Сыромятникова. В своем труде «Опыты русской мысли» С.Н. Сыромятников пытается продемонстрировать, что Российское государство подобно Америке в деле освоения земель, а Восток является не просто колонией, но зародышем новой России²⁵. На рубеже XIX–XX вв. приморские переселенцы выполняли ту же самую работу, что творили их предки десять столетий назад²⁶.

Освоение новых земель, с точки зрения журналиста Д.Г. Янчевецкого, обусловлено не столько сущностью русского колониализма, сколько численностью населения, требующего богатой почвы и лучшего климата. В то же время Россия не может просто отказаться от завещанного им предками наследия в виде дальневосточных пространств²⁷.

Упомянутый выше С.Н. Сыромятников является одним из наиболее известных представителей направления, которое в русской интеллектуальной традиции получило наименование «восточни-

¹⁹ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 80.

²⁰ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. СПб., 1908. С. 24.

²¹ См.: Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории: Ч. 1. М., 1987. С. 49.

²² См.: Ремнев А.В. Указ. соч. С. 321.

²³ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 4.

²⁴ См.: Там же. С. 7.

²⁵ См.: Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. СПб., 1901. С. 8.

²⁶ См.: Там же. С. 17.

²⁷ См.: Янчевецкий Д. Гроза с Востока. Ревель, 1908. С. II–III.

чества». На рубеже XIX–XX вв. сторонники этого течения, равно как и ряд других мыслителей, были убеждены в культурной близости российской и азиатских культур. Мотивом исторического движения России на Восток, таким образом, стала цивилизационная сущность империи, а главным выразителем этой сущности явился русский царь и самодержавие как политический институт. В результате российский монарх становился тем элементом, который не только обеспечивал законность присутствия России на Дальнем Востоке, но и закреплял это право в историческом сознании современников.

Размышляя о восточных делах России, Л.Г. Жданов отмечает, что еще при Михаиле Федоровиче народы Сибири и Дальнего Востока куда охотнее несли русским властям дань, когда знали, что поступают под опеку Белого царя, о котором не одну сотню лет ходят чудесные рассказы²⁸. Об этом же пишет А.Я. Максимов: у корейцев существует легенда о Белом царе, который должен стать их спасителем, избавителем от произвола страшных правителей²⁹. И этим царем должен стать именно русский государь.

Современные исследователи отмечают, что архетип империи как носительницы сакральной власти занимал важное место у русской общественности в процессе осмысления дальневосточной политики³⁰. Следствием этого стало стремление мыслителей противопоставить экспансию европейских держав в Азии культурному проникновению России. Как отмечает известный представитель «восточничества» князь Э.Э. Ухтомский, «можно провести весьма замечательную параллель между тем, как почти одновременно двигались на Восток и мужественные португальцы, и наши казаки»³¹. Русский народ, в отличие от европейцев, под руководством Белого царя шел в Азию не обогащаться и повелевать³². Задача его была нести истинную власть и веру восточным народам.

Дальневосточные проекты порой тесно переплетались в умах интеллектуалов с традиционной задачей укрепления рубежей «Православного царства»³³. Наиболее отчетливо это можно наблюдать в творчестве Л.А. Тихомирова. С точки зрения философа, перед Россией на Дальнем Востоке стоит задача нравственно-назидательная. Приобщение азиатских народов к русской культуре, к православному учению должно стать наиважнейшей задачей Российского государства³⁴.

«Достоверное известно также, – отмечает П.А. Бадмаев, – что различные сибирские племена, особенно буряты и монголы, мечтали о подданстве русским царям»³⁵. Весь Восток исторически симпатизирует России, а русский царь предстает у азиатских народов белым царем-богатырем³⁶.

Как видно из приводимых примеров, историческая память была неотъемлемым элементом русского общественно-политического дискурса на рубеже XIX–XX вв. Иррациональная по своей сути, основывавшаяся на мифологизированных представлениях, но при этом содержащая в себе достижения научного знания, историческая память была отличным средством для подтверждения отечественными мыслителями своих позиций относительно присутствия Российского государства на Дальнем Востоке.

²⁸ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Максимов А.Я. Указ. соч. С. 83.

³⁰ См.: Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Политические исследования (Полис): научный и культурно-просветительный журнал. 1999. № 1. С. 36.

³¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. СПб., 1900. С. 10.

³² См.: Там же. С. 31.

³³ См.: Филиппова Т.А. В царстве «Белого Царя». Методы стабилизации поздней империи // Новый мир России. Форум японских и российских исследователей: К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 176.

³⁴ См.: Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток. М., 1900. С. 3–4.

³⁵ См.: Записка Бадмаева Александру III... С. 58.

³⁶ См.: Там же. С. 59.

Предлагаемые российской интеллектуальной элитой проекты, как правило, характеризовались апелляцией авторов к необходимости завершения исторического пути России на Востоке. Ошибки и уступки, сделанные государством в прошлом, по мнению отечественных мыслителей, не позволили империи добиться желаемого ранее. Поиск «теплого моря» и новой земли наряду с обращением в свое подданство азиатских народов должны были быть осуществлены в царствование Николая II.

Характерной чертой русской мысли на рубеже XIX–XX вв. стало все большее отдаление интеллектуального дискурса от воззрений о сугубо европейской сущности России. Хотя очень многие мыслители, особенно в среде военных деятелей, продолжали отстаивать европейский путь государства, в общественном сознании он потерял исключительно доминирующее положение под воздействием как «восточнических» альтернатив, так и представлений об уникальной российской культуре.

Вызревавшие в общественной мысли проекты освоения Дальнего Востока являются важной частью консервативной традиции России. Выдвигавшиеся русскими интеллектуалами идеи, зачастую различаясь в понимании путей освоения региона, всегда сходились в одном: движение России на Восток во многом зависит от прочности самодержавия и направлено на укрепление его позиций как внутри империи, так и за ее пределами. Власть императора исторически обусловлена и является неотъемлемым условием успешной реализации внешнеполитических задач.

Наконец, историческая память, нашедшая отражение в творчестве отечественных мыслителей, сыграла важную роль в присоединении Дальнего Востока к остальной России на ментальном уровне. Хотя к началу XX в. дальневосточное пространство уже на протяжении сотен лет входило во владения русских императоров, в общественном сознании данный регион воспринимался скорее как колония, нежели фактическая часть России. Закрепление в памяти социума «исторического» движения империи в восточном направлении вместе с реализацией ряда экономических проектов стали залогом включения Дальнего Востока в российскую «ойкумену».